

Страна выучила слово «феминизм»

Мария АРБАТОВА

Я сама

Я люблю говорить, что на передаче испортила кожу гримом и репутацию в писательских кругах. К человеку, который сидит в кресле и работает «старухой Изергиль», нельзя относиться серьезно.

В ножницах монтажа, когда из двух часов склеивается сорок минут, невозможно выглядеть так, как хотелось бы. Но я знаю, зачем я там сижу. Я человек идеологический, у меня и папа был преподавателем марксизма-ленинизма в генеральском чине, я и росла среди его книг, и училась на философском факультете. Передача «Я сама» — место, где я могу запускать в обращение феминистские идеи большим тиражом на самую демократическую аудиторию.

Меня потому и выловили, после передачи «Тема», что во мне была идеологическая начинка. Это непонятно и непривычно в нашей стране; до сих пор подходят интеллигентного вида люди и спрашивают: «Вы действительно феминистка или вам за это на телевидении платят?» Эдакое совковое пещерное представление, что убеждения — не форма осознания себя в мире, а способ заработка.

Феминистки до ток-шоу «Я сама» были слишком далеки от народа. Помню, когда передача только началась, женщина в магазине назвала меня «мифтистой». Она не могла вербализовать образ. Прошел год, и первоклассник на улице кричал, толкая своего друга: «Смотри, вон феминистка пошла!» Без всякой мании величия я считаю, что эти два года потратила не даром: страна выучила слово «феминизм».

Передача снимается блоками: пять передач за три дня. Остальные двадцать семь дней живу не менее насыщенной жизнью, а на эти три дня ощущаю себя уехавшей в командировку. Снято более ста передач, и ток-шоу «Я сама» превратилось в сериал, в некое культурное явление. На улице или в машине телезритель вступает в дискуссию о какой-нибудь героине прошлого года. Ты ее уже плохо помнишь, а он все находится в диалоге, все хочет докричаться до своего. В провинции «Я саму» часто пишут на кассету и зачитывают до дыр. Передача замечает и врача, и книгу, и журнал, и задуманную беду.

По представлениям среднестатистической аудитории, я — «психолог или юрист», на улице от меня начинают требовать консультации про жену-лентяйку, любовника-мерзавца, тещу-волонтиаристку, мужа-паразита и подростка-обормота. Когда я пытаюсь всучить человеку телефон кризисного центра, он вопит: «Нет, вы обязаны, раз вы там сидите».

Я сижу рядом с героиней и, в зависимости от ее темперамента, то взлетаю, то умираю, а реакцию выражать могу в строго отведенное время в строго отведенном месте передачи. Каким-то мистическим образом телевидение само генерирует все душевные всплески и собирает в фокус; к концу передачи студия как одна энергетическая воронка, закручивающаяся в центре и втягивающая всех нас в вращающийся омут. Это чувствуем не только мы, на некоторых героинях «врубается» аппаратура. То есть при большой аудитории играется психодрама без психодраматиста, сама по себе, куда хитрая вывеска.

Я, конечно, кайфую. Но всякая там «духовная миссия интеллигента» и прочие старомодности, в которых формировались люди моего круга, заставляют извлекать из шоу общественно полезное моральное. Я достаточно занималась психоанализом, да, собственно, моя профессия в том и состоит, чтобы знать, для чего и какое персонажам говорится слово, где висит «ружье» — когда оно выставлено и в кого. Как кубик Рубика. Сидишь, слушаешь, крутишь кубик. Передача еще не закончилась, а у тебя уже одна сторона красная, другая зеленая.

К съемкам невозможно и нет смысла готовиться заранее. Даже если редактор предварительно рассказывает тему, он рассказывает только собственную версию.

На ток-шоу «Я сама» работает очень сильная команда. Группа редакторов отбирает героинь, примерно одну из пяти желающих. Критерии отбора: интересная история, телегеничность, психическая устойчивость. В сложных случаях психолог уговаривает дам для ст. ком изменить фамилию и внешность, пользуясь париком, гримом.

Юля Меншова классно ведет передачу. Сначала она раскручивает, размораживает аудиторию. Это, к сожалению, не остается на экране. Я видела много шоу-менов в работе

и скажу, что Школа-студия МХАТ, которую Юля закончила, она и на ток-шоу Школа-студия МХАТ. Это профессионализм, это собранность, это выдержка, это культура.

Часто включаешь телевизор, видишь телеперсону уцененную или новорожденную и думаешь: как же это тебя угораздило попасть на экран без всяких к тому врожденных и приобретенных навыков, типичный ведущий передачи — засжик барин или кукла, а кукловод бегает вокруг, дергает за нитки и орет прямо при зрителе.

В ток-шоу «Я сама» Юля Меншова совмещает работу ведущей с работой руководителя проекта. От нее зависит и внутренняя архитектура передачи, и внешняя, и как работают камеры, и как распределяется время между участниками, и поведение героини, и не войдет ли в студию в самый ответственный момент кошка, и какие капризы у спонсоров, и сколько метров пленки попадет в брак и т.д. Короче, все на ней. Мы с Ольгой участвуем вставными номерами и несем ответственность только за них.

В любой аудитории попадают эмоциональные террористы. Как-то среди мужчин оказался чернокожий красавец с бриллиантовой серьгой в ухе, по имени Диди Нана. Он закончил ВГИК и, когда шел на передачу, полагал, что, если хорошо покажется, будет приглашен на главные роли всеми известными режиссерами. Супертемпераментный малый, только что колесом не ходил. И практически на каждой передаче есть свой Диди Нана. И от Юли требуется большое мужество держать его в рамках жанра.

Недавно она стала заместителем директора канала. Понятно, что меньше времени остается на нашу передачу. Но, с другой стороны, образ умной, образованной, собранной красавицы, созданный Юлей, уже в обращении. Девочки подражают ей, в парикмахерских просят подстричь «под Меншову». Найденная Юлей грань социальной успешности превращает ее из «секс-символа» в «бизнесумен-символ», что совершеннейшая новость для нашего общества. У нас ведь традиционно считалось, что высоко взобралась по социальной лестнице либо не хороша собой, либо не удачлива в любви. Заглядывая ток-шоу «Я сама», с Меншовой в главной роли, среднестатистическая девочка постепенно усваивает новые ценности, открывая для себя западный путь энергичной женщины, осознающей себя на планете через собственную деятельность, а не только через «кухню, детей и церковь».

Свою роль в передаче вижу в разрушении мифов. Мы живем в переходный период, когда реальность меняется быстрее, чем готово адаптировать ее наше сознание. Например, женщина говорит: «Я живу за спиной мужа... Настоящий мужик это тот, который обеспечивает семью...» А фактура рассказа свидетельствует, что деньги зарабатывает сама, решения принимает сама, за семью отвечает сама, да и спит-то с ним раз в год по обещанию. Почему это называется «за спиной у мужа»? Потому, что мама и бабушка ей объяснили, что «за спиной у мужа» — это символ женской успешности. Вот она и мучается всю жизнь, не понимая, почему несчастна, и не умея сказать самой себе правду.

Или бесконечное: «Вы, мужчины, — все развратные! Мы, женщины, — все порядочные!» Вопрос: с кем тогда развратные мужчины изменяют порядочным женщинам? Друг с другом или к ним инопланетянки прилетают? Или: «Мы, мужчины, деньги зарабатываем, а вы, бабы, их только тратите!» Берешь статистику и видишь, что за исключением финансовых магнатов, конвертировавшихся советские чины в капиталы, все возрастная группа от тридцати до пятидесяти держится на бабьих зарплатах. При этом несутся стаями про женскую безработицу. Выясняется, что бабы быстрее на бирже труда пособие получают и еще в пяти местах деньги зарабатывают. А мужику вроде стыдно идти на биржу, ему полтора зарплату не платят, а он все равно ходит на работу, вместо того чтобы плонуть на гражданина начальника и добывать деньги самостоятельно.

Конечно, легко понять, почему женщины лучше вписались в рынок. Они более гибкие, менее амбициозны. Вся жизнь в России осваивали капиталистическую экономику в одиночку: муж получку отдал, а как на нее крутиться, дело женское. Люблю говорить, что вся наша молодость ушла на экономические эксперименты — «как из одного первого приготовить два вторых».

Ничто так не мифологизировано в сегодняшнем дне, как отношения мужчины и женщины. И я пытаюсь отличить «тму низких истин» от «насы возвышающего обмана». Понятно, что это раздражает. Подходит народ с текстом: «Я против вас лич-

Популярность Марии Арбатовой честно заработана ею на передаче «Я сама». Но далеко не все телезрители знают, что она еще и автор четырнадцати пьес, поставленных в СНГ, Англии, Германии, Америке, и двух книг. В издательстве «ALMA MATER» в ближайших месяцах выходит сборник ее прозы «Меня зовут женщина». Лауреат Международного конкурса радиодраматургии, Боннского театрального биеннале, американского конкурса драматургии «Новые голоса из России», обладатель Золотой медали Кембриджского библиографического центра «За вклад в культуру XX века».

Активная деятельница феминистского движения, Мария Арбатова принимала участие в разработке документов для разделов «Права женщин», «Права детей», «Молодежная политика», «Социальная защита инвалидов» в предвыборной программе Б.Н. Ельцина «Человек. Семья. Общество. Государство». В настоящее время координатор клуба «Женщин, вмешивающихся в политику». Впрочем, сегодня она все о себе расскажет сама.

В голодавом возрасте заблеваю ничто не имею. Но после передачи у нас с женой скандал, я бы такую передачу запретил!»

То есть после передачи баба начинает понимать, что где-то ее сильно не накололи. В каждой семье, как говорят англичане, «свой скелет в шкафу», а тут его вроде из шкафа достают. «Как вам не стыдно, вы всех призываете развестись!» Да, если брак может рухнуть под натиском телепередачи, стоит ли его сохранять?

В массовом сознании я «подружка-советчица», это единственная упаковка, в которой страна сегодня готова принимать советы из области прав человека. Успех передачи во многом определен тем, что женщина традиционно считалась у нас человеком второго сорта, «второго пола», ее проблемы считались делом второстепенным, кухонным и не годным для звучания в общественном контексте. Уже само по себе проговаривание телеэкрана того, что всю жизнь было только «на ушко друг другу», — революция сознания. Как написано на знаменах западных феминисток: «Личное — это государственное».

То, что декларируют я, интересно только сегодня и только в России, для цивилизованных стран это прошлогодний снег. В 1884 году в Лондоне поехал первый поезд метро, в Швеции закон, запрещающий мужьям бить жен, был издан, когда в России — только-только отменено крепостное право. То, что в отношениях мужчины и женщины выдвигается за русское традиционное благолепие, уходит корнями в варварство «домостроя», а я не отношусь к людям, гордящимся варварством собственной страны.

Я осталась жива и счастлива

Я изучала астрологию и знаю, что у меня пять планет в «доме Солнца», что означает присутствие народ с текстом: «Я против вас лич-

близнецов. Сражаюсь за «счастье» учиться с детьми под мышкой. Пишу как сумасшедшая, примерно по полнометражной пьесе в год. Ни одной из них, получая профессорскую зарплату, руководитель семинара Розов не читает. Не читает даже длинной. Какая-то там многолетняя мать, вечная прогульщица, еще и с самолюбием. Он и подхалимов-то читает по большим праздникам. Такого бесстыдства по отношению к студентам никогда больше в жизни не встречала.

Двадцать лет я занимаюсь тем, чего нет

Драматургия, это, кроме таланта, и определенного темперамента, еще и технологичность. Стихи и прозу читатель может отложить и взять снова, но если в течение двух минут драматургического текста дашь зритель расслабиться и подумать о своем, ты проиграл, он уже посмотрел на часы и вышел из зала. Понятно, что таких задач Литературный институт не ставил. В российской драматургии вообще, после того как посадили Эрлана, профессиональная планка оказалась столь опущенной, что до сих пор критерии смещены.

Наиболее профессиональным, технологически оснащенным, безусловно, являлся Эдвард Радзинский. Но за ним не было судьбы, он был гениальный стилизатор. С колоссальным потенциалом новой правды пришла Людмила Петрушевская. Помню, я училась в Литературном институте, взяла у машинисток ВТО пьесу «Три девушки в голубом», села читать в актерском ресторане, и когда закрывала последнюю страницу, у меня по физиономии хлестали слезы, смешанные с косметикой. Подбежали актеры из-за соседнего столика, заорали: «Что вы читаете? Покажите титульный лист, мы сейчас же это будем репетировать!» Я ре-

ла как белуга, потому что это было про меня, притом что, в отличие от героини пьесы, у меня и муж был золотой, и мама помогла, и жизнь обещала многое. Это была правда об унижении советской бабы, до Петрушевской в сторону такой правды никто и головы повернуть не смел. Но это была литература, а не театральная драматургия, это было для чтения глазами.

За Петрушевской пришла Людмила Разумовская, великолепный мастер, ее триллер «Дорога Елена Сергеевна» стал самым кассовым в России и в Европе. А в перестройку их голоса стихли. Страна получила литературное поколение, адекватное разваливающимся условиям застенков, но потерявшее себя на свободе. Собственно, я и в Литературном институте училась, чтобы общество не считало меня домохозяйкой, пьесы я бы и так писала, а мастерства, образования, профессиональных связей это учреждение не давало. Я писала в стол, как все мои приятельницы сверстники, и никаких планов не строила. Поработав в Союзе писателей, знала, как стержется всякая шелуха для проникновения на сцену подобных текстов.

Меня начали ставить попольные студии. Это была нелегальная романтика, кончавшаяся одинаково — скандалами и увольнениями людей с работы. Захотели ставить серьезные театры — цензура отчитливо отвечала «неверно». И вдруг попадали на Афанасию Сальскую. Он читает пьесу «Уранение с двумя известными» и говорит: «Никого не слушаю, боюсь, что не доживу, но эта пьеса пойдет...» К сожалению, Афанасий Сальский умер, и я уже не расскажу ему, что пьеса поставлена в России, в Америке и Германии, напечатана в Англии и экранизирована.

Но это теперь, а тогда Сальский позвонил в Министерство культуры, и ему ответили, что пока они живы,

они отрасли такими, что на них можно было класть несколько спичек. Мы достали ножницы в медпункте, и девочки отряда вслед за мной порешили всю растительность на глазах. На нас стукнули, была срочная линейка, меня выгнали из председателей совета отряда, объяснив, что из таких, как я, вырастают... Надо сказать, лето было между пятым и шестым классом, и стрижка ресниц диктовалась не интересом к противоположному полу, а жадной экспериментом.

Я всегда плохо вписывалась в государственные структуры, мне было уютней в негосударственных. Я — дитя московских литобъединений и актерских буфетов, диссидентских застолий и хипповских сейшенов. Когда мне нужна была среда, я образовывала ее вокруг себя. Так было в застой, когда в моей арбатской коммуналке был салон андерграундной молодежи. Так было, когда я пыталась создавать молодежные студии и профессиональные объединения нового типа.

Конечно, там были свои игры помимо меня. Помню, в застой комсомол собрал весь художественный молодежь в особнячке на Герцена и сказал: «Цветите!» Мы, как Пятачки, начали там что-то читать, рисовать, репетировать. Нас за месяц переписали, изучили и в один прекрасный день дверь закрыли. Помню, сидим на лавочке возле закрытой двери и новые планы строим. Тут в профком драматургов приходит Спесивцев и говорит, мол, создаем молодежное объединение, буду ставить молодых. Мы туда, объединение создали, министерство денег дало, а он ставит восьмидесятилетнего председателя профкома и двух его семидесятилетних заместителей. И снова война, и снова мы на лавочке.

Тут Михаил Шатров и Марк Захаров получают от министерства деньги и малую сцену для выведения молодой драматургии и молодой режиссуры из подполья. Мы туда. Конкурс, литературная часть, все дела. Моя пьеса попадает в первую тройку постановок. Сначала отменяют поминания: в этом зале Герцен с Огаревым вальс танцевали, здесь нельзя репетировать; в этом зале Ленком сложил декорации; а это помещение вам очень подходит, оно, правда, не отапливается, но очень милое. Зима, актеры в шубах, драматургия в ожидании, режиссеры в истерике.

Понятно, что через несколько подобных экспериментов к сотрудничеству со старшими товарищами не тянуло. Я погуляла в работу женского клуба психической реабилитации «Гармония», была его президентом. Мы создали его с компанией подруг в 1991 году, откачали кучу дам. Это не было способом заработка, структура клуба изначально не предполагала ни копейки, заработной платы. За пять лет сменился контингент, восстановились и «раскрутились» девочки нашего круга, а на смену им пришли скачущие потребительницы. Конечно, их тоже жалко, но отдавать им время и силы уже не хочется. Я считаю, что человека, который ведет себя в 97-м году, как в 91-м, уже ничему не научить. Мы распустили этот клуб.

После президентских выборов все было очень политизировано, и мы с подружками открыли «Клуб женщин, вмешивающихся в политику», координатором которого я и сейчас являюсь. Было много планов, но непонятно, какие задачи выдержит такое объединение, внутри любого клуба работает спрут. Пока что закрытый элитный клуб, заседающий в изысканной московской галереи «Месте».

Я все время хожу около политики. Во время выборов оказалась в группе экспертов, разрабатывавших документы для программы Бориса Ельцина «Человек. Семья. Общество. Государство». Статьи, которыми я занималась: «Права женщины» и «Права детей», приведены к нормам международных правовых конвенций. Конечно, я не могу этим не гордиться.

Получала предложения выступать и в депутатском жанре. Понятно, что зарплат не на меня, а на телемоду. Но, увы, провела два часа в Думе, я прихожу в себя неделю. Очень люблю демократию, но когда передо мной открывается перспектива четыре года сидеть бок о бок с «этими» людьми, мне становится плохо. Воздаю должное мужеству Галины Старовойтовой, Ирины Хакмады, Оксаны Дмитриевой, Татьяны Ярыгиной и Елены Мизулиной, предпочитаю оставаться бойцом невидимого фронта.

Отступать мне все равно некуда. Кто-то говорил, что в России сегодня столкнулись три поколения: у первых была цель жизни, у вторых — дело жизни, у третьих — стиль жизни. По возрасту и прочим признакам я отношусь ко вторым.